НОЧЛЕГ

Последние, как могикане,
Мы были данники ущелью.
На повороте помигали,
И двинулись пешком по щебню.
И пахло порохом и кровью,
Когда, то мягче, то суровей
Откосы превращал в надгробья
Подлунный свет потусторонний.

И было видно будто – в шаге,
Как, снюхавшиеся с боями,
Нас у ворот встречали шавки
Безмолвные, как изваянья.
Мы шли бесплотными тенями
И не судимы, не судили:
Под нас казарму выделяли
С осколком зеркала в сортире.

И было муторно и странно
Тупым станком скрести щетину
Под звучную капель из крана,
Что от беззвучья защитила.
На те заржавленные ложа
Никто не лёг, чтоб не скрипели,
И в окна билось непреложно
Тумана тихое струенье.

Ночь обнимала нас компрессом.
Иные, может быть, могли бы

На анекдотике скабрезном
Восстать из первородной глины,
Но берегла нас пуще бедствий
Пометка в приказном журнале,
И бесконечной серой песней
Предгорья жилы наши рвали.

И утром гурт овец нам блеял,
Убогих, словно каторжане,
И размывая чёрный пепел,
На стёклах капельки дрожали.
И каждый вышел, встал и обмер
Под выкликание чабанье,
Не вспомнив пятизначный номер
Дисбата, где мы ночевали.

ПОХОРОНЫ

в зареве начинаний,
спешке и опасеньях
нет похорон чеканней
наших, позднеосенних,

там, где сквозит во взорах
тусклым оцепененьем
вьюга, что роет в сорок
ямы двадцатилетним.

там, гомоня о лучших
Господа мягких дланях,
в глинистых топких лужах
копщики стелят лапник.

сам замкомбата – ишь ты! –
манит к себе начкара,
чтоб над гробами трижды
гибель на вдов начхала.

юны, не многодетны,
дёрнулись без команды –
светлое пламя, где ты?
счастье мое, куда ты?

эхо одно негромко
грянет в стволах пузатых,
там, где чернеет кромка
редких лесопосадок.

ТРЕТЬЕ РАНЕНИЕ

Как руки солдат, на которых
Пикировал в сумрак ночной
С единственной мыслью – как долог
Последний рывок на Ачхой,
Трясло. Расставаясь с рассудком,
Я видел, как светоч потух.
К нему, госпитально разутым
Вздымался израненный дух.
Дана нам умеренность вдовья,
Но счастье земное дано ль?
...И выл я, бессмертию вторя,
И склянка тряслась надо мной.

АБХАЗИЯ, 1992-Й

Я понял, что Господь меня не видит,
Когда, штабной ухмылкой мельтеша,
На всех частотах заплясал эпитет
Террористического мятежа.

На третий день, пройдя до половины,
Властям вернув утерянный контроль,
Мы, сделавшись огню неуловимы,
Группировались под большой горой.

Там плакали от залпов миномётных,
Просили пить, патронов, сигарет,
И женщины ходили мимо мёртвых,
Губительно ведясь на всякий бред.

Дымящихся вдали дорог зеркальней,
На небе таял облачный крахмал.
Стояла сушь. Раскрашивался камень,
В заливе нефтетанкер догорал.

Бумаги, куры, выстрелы, стенанья,
Болезнь земли, нарушенный баланс.
Над всем царила тишина степная
Молчанья Бога, бросившего нас.

И каждый бы сказал, мозгов не пудря,
Плюясь под ноги гравийной слюной:
Быстрее пули лишь другая пуля,
Бездонней бездны лишь бачок сливной.

И, гибели стократ обетованней,
Я понял, что из пепла восстаю,
Когда, излив любовь на бедных тварей,
Господь закрыл глаза на тварь свою.

РЕКОГНОСЦИРОВКА

Уходившим когда-то в отказ
Не привидится и с алкоголем
Обнажённая высокогорьем
Федеральная трасса «Кавказ»,

Где, ведомы единой канвой,
Позабыв, как друзей хоронили,
Проплывают по зябкой равнине
Мертвецы – за конвоем конвой.

И кого только здесь не пасут,
Потребительской жаждой влекомы,

Два конца обозначив любому –
Либо к ордену, либо под суд.

Как на днях тут один объяснил,
Это адский живой калькулятор:
К перископным прильнешь окулярам,
И душа обратится в бензин.

Разбодяжат её – три в одну,
И загонят с транзитных обочин
Тем, чей срок безвозвратно окончен
И заложен политкрикуну.

Иль не в масть крестный путь без креста?
Так чешите отсюда, чешите!
За хребтом, в мутоте общежитий,
Даже истовость вечно грязна,

Выбирая в ночном агапе,
То ли длить бестолковщину, темень,
То ли спьяну проситься на дембель
У сожжённых ворот КПП.